

УДК 94(571.1).084.3:343.83

Д. Р. Тимербулатов

СОСТАВ ЧИНОВ ТЮРЕМНОЙ СТРАЖИ В МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919)

В статье рассматривается состояние и положение тюремной стражи в тюрьмах Томской губернии в условиях Гражданской войны, а также деятельность органов управления пенитенциарной системы при антибольшевистских правительствах в отношении надзора.

Ключевые слова: пенитенциарная система, гражданская война в России, охрана тюрем.

D. R. Timerbulatov

COMPOSITION OF RANKS OF PRISON GUARDS IN PRISONS OF TOMSK GUBERNIA DURING THE CIVIL WAR (1918–1919)

The article reviews the condition and provision of prison guards in prisons of the Tomsk province in the conditions of Civil war, and also activity of governing bodies by penitentiary system is considered at the anti-Bolshevist governments concerning supervision.

Keywords: penitentiary system, civil war in Russia, protection of prisons.

С момента существования пенитенциарных учреждений тюремной охране отводилась решающая роль в наблюдении за тем, как в местах заключения производится исполнение наказания, то есть изоляция преступников. Для подобной работы, отличающейся, с одной стороны, монотонностью, а с другой – неожиданно возникающими трудностями, связанными чаще всего с поведением арестантов, требовалась серьезная

физическая и психологическая выдержка. Под влиянием негативных сторон своей службы во множестве случаев надзиратели осуществляли произвол по отношению к заключенным, что нередко приводило к летальным исходам. Для пресечения подобных происшествий тюремное руководство в разных странах, начиная с эпохи Просвещения, регламентировало права и обязанности тюремной стражи.

В конце XIX – начале XX века в Российской империи получила распространение идея о недостаточности наказания для заключенных. Некоторые теоретики настаивали на таком устройстве тюрем, чтобы как можно больший процент арестантов исправлялся «нравственно или, по крайней мере, юридически» [1, с. 25]. Чтобы способствовать гуманизации мест заключения, необходимо было в том числе определить положение и обязанности надзирателей. Согласно Уставу о содержащихся под стражей (1890) и Общей тюремной инструкции (1915) тюремная стража должна была состоять из старших и младших надзирателей. В женских же отделениях тюрем контроль над арестантами осуществляли старшие и младшие надзирательницы, чьи служебные права соответствовали порядку несения охраны служащими мужского пола.

В соответствии со ст. 30 Устава о содержащихся под стражей начальники мест заключения назначали и увольняли со службы чинов тюремной охраны состоявших в их подчинении. При этом младшие надзиратели беспрекословно должны были выполнять приказы старших надзирателей, руководствуясь «в этом отношении правилами воинского чинопочитания». Согласно Общей тюремной инструкции подобное обращение не применялось в отношении лиц женского пола, занимавших должности по тюремному ведомству [2, с. 27]. По мнению исследователя Е. Г. Михеенкова, служба старшего надзирателя в пенитенциарных учреждениях по своим функциям была схожа с работой начальника караула в наши дни [3]. Кроме того, в дореволюционное время начальник места заключения мог распределять обязанности в тюрьме среди данных лиц, находящихся в его подчинении. Старший надзиратель либо контролировал административный порядок, либо заведовал хозяйственной частью, или следил за выполнением арестантских работ. По усмотрению администрации пенитенциарного учреждения, те из них, кто отвечал

за «отдельные части тюрьмы», по окончании рабочего дня обязаны были составлять рапорт. В случае кратковременных отлучек начальника места заключения по служебным делам или из-за болезни, его в большинстве случаев замещал помощник начальника тюрьмы. Но, если должность последнего не была учреждена, при отсутствии возражений со стороны вышестоящего руководства, начальник мог переложить выполнение своих функций на старшего надзирателя [2, с. 11]. В местах заключения нередко возникали ситуации, когда из-за нехватки старших надзирателей, администрация места заключения заменяла их младшими надзирателями. При этом привлечение данных чинов тюремной стражи к работе в конторе в качестве писцов, а также к исполнению обязанностей конюхов, дворников, различных работников и прислуги при квартирах вышестоящих чинов строго запрещалось. Младшие надзиратели делились на запасных и дежурных, которые несли службу привратников, выводных и постовых, а также при мастерских мест заключения [2, с. 33].

С момента передачи пенитенциарных учреждений в ведение Министерства юстиции в 1895 году перед правительством возникла задача подготовки профессиональной тюремной охраны. Подобная необходимость объяснялась тем, что в период управления тюрьмами Министерством внутренних дел к надзору постоянно привлекались военнослужащие, имевшие представления о дисциплине и порядке. Привлечение же на службу надзирателями гражданских лиц увеличивало вероятность совершения противоправных действий со стороны набранных чинов тюремной стражи. Особенно подбор новых кадров был затруднен на территории Западной Сибири, где значительная часть местного населения состояла из уголовных ссыльных, которые не могли считаться благонадежными. В дополнение к этому исследователь сибирской пенитенциарной системы в дореволю-

ционный период О. Н. Бортникова отмечает такую особенность, что люди, поступавшие на новое место службы в тюремное учреждение, предпочитали осуществлять свою деятельность в зависимости от хода сельскохозяйственных работ. Массовые увольнения надзирателей происходили весной, а после окончания полевого сезона многие из них стремились вернуться на прежнюю службу, чтобы переждать зимний период [4, с. 111]. Таким образом, уровень профессионализма чинов тюремной стражи в Российской империи, в особенности на территории Сибири, во многом не соответствовал тем положениям, которые прописывались в Общей тюремной инструкции.

После падения монархии в феврале 1917 года новая власть стремилась к тому, чтобы постановка дела исполнения наказания соответствовала революционным настроениям населения. В первую очередь это выразилось в массовой амнистии заключенных по политическим мотивам, а затем освобождении арестованных по уголовным статьям [5, с. 171]. Но не менее важным направлением проводимых преобразований становились подбор и подготовка кадров, в том числе и тюремной стражи. В отличие от лиц, занимавших в пенитенциарной системе руководящие должности, надзирательский состав мест заключения избежал массовых увольнений. Более того, усиливавшаяся по мере развития революционных событий демократизация позволила нижним чинам контролировать деятельность начальников тюрем путем подачи жалоб в губернское правление или Главное управление мест заключения (ГУМЗ) [6, с. 33]. По истечении некоторого времени тюремными сотрудниками начинают создаваться союзы служащих с целью защиты своих профессиональных интересов. Нередко чины стражи выступали с такими требованиями, удовлетворить которые начальнику тюрьмы было не по силам, что приводило к конфликтам надзира-

телей с администрацией места заключения. Подобные самовольные действия заставляли ГУМЗ, не имевшее возможности влиять на события, ограничивать их правовыми рамками. Для восстановления «должного порядка» руководством пенитенциарной системы 17 августа 1917 года издается циркуляр № 68. В нем оговаривалось положение начальника места заключения, которому предписывалось выполнять свои обязанности самостоятельно, не разделяя своих полномочий с союзами служащих [7, с. 265]. Но до Октябрьской революции отношения между чинами администрации и тюремной стражи продолжали сохранять напряженный характер.

После установления власти большевиков порядок назначения и увольнения лиц, служащих по тюремному ведомству, оказывается под контролем местных органов Совета народных комиссаров. Хотя союзам служащих предоставлялось право выдвижения своих кандидатов на руководящие должности, принятие или отзыв таковых зависел от решения губернских или уездных органов власти. Даже круг отстаиваемых профессиональных интересов определялся надзирателями лишь по соглашению с местными Советами. Поскольку не все члены союза служащих проявляли лояльность по отношению к новой власти, на некоторых территориях состав чинов тюремной стражи подвергался значительному обновлению. Например, по постановлению Исполнительного комитета Томской губернии от 30 марта 1918 года перед уездными Советами ставилась задача проверки надзора, с целью выявления лиц, непригодных к несению службы. К таковым были отнесены те надзиратели, которые в прошлом служили в рядах полиции, укрывались в местах заключения от военной мобилизации, были причастны к жестокому обращению с арестантами или же имели другие дисциплинарные проступки. Чины надзора, не попадавшие ни под одну

из перечисленных категорий, оставались на прежнем месте службы, причем набор нового состава тюремной стражи предлагалось проводить из числа таких лиц, которые «по своему общему развитию и нравственным качествам соответствуют условиям современной жизни и задачам пенитенциарного дела» [8]. Намерение большевиков очистить места заключения от неблагонадежных для себя лиц, под которые обычно попадали опытные надзиратели, приводило не к укреплению порядка в тюрьмах, а расстройству дисциплины в рядах охраны. Поэтому неудивительно, что к моменту свержения советской власти, состав чинов тюремной стражи оставлял желать лучшего.

Назначенный приказом Западно-Сибирского комиссариата Томским губернским тюремным инспектором А. И. Орлов в конце июня – начале июля 1918 года провел ревизию в ряде мест заключения губернии, осмотр которых выявил отсутствие правильной постановки тюремного управления. В первую очередь инспектором было принято решение об освобождении начальников мест заключения и их помощников от подчиненного положения по отношению к союзам служащих. В связи с этим руководству тюрем вменялось в обязанность для поднятия дисциплины не останавливаться перед административными взысканиями в отношении надзора, вплоть до увольнения. Вмешательство чинов охраны в дела тюремного управления строго запрещалось, чтобы административные лица мест заключения имели возможность осуществлять свою деятельность самостоятельно [9]. Кроме того, падение уважения к руководящим чинам пенитенциарных учреждений томский инспектор и его помощник В. Е. Нечипоренко связывали также с тем, что последние после Октябрьской революции были вынуждены отказаться от ношения установленной законом формы. С отменой ношения оружия и погон у военнослужащих ношение гражданскими чинами

тюремного ведомства формы военного образца теряло всякий смысл, поскольку продольные плечевые знаки демонстрировали класс занимаемой должности [10, с. 66]. Вслед за администрацией мест заключения надзиратели самовольно отказывались от ношения формы. Это приводило к тому, что чины тюремной стражи предпочитали являться на службу в удобной для себя одежде, которая ничем не отличалась от костюмов обычных людей. Последствием подобных действий нередко становилось то, что надзиратели, разыскивая бежавших заключенных, сами попадали в участки милиции для выяснения личности и права ношения оружия. Вследствие этого В. Е. Нечипоренко признавал необходимым обязательное ношение обмундирования всему тюремному персоналу в соответствии со ст. 29 Устава о содержащихся под стражей [9]. Проводимые меры мало способствовали улучшению ситуации с надзором мест заключения, поскольку оставление службы чинами тюремной стражи носило беспрецедентный характер. Так, начальником Томского исправительно-арестантского отделения № 1 М. Б. Пирятинским с июня по ноябрь 1918 года из 80 надзирателей было уволено 56 человек, причем еще 8 человек отказались от дальнейшей работы сами. В губернской тюрьме доля уволенной тюремной охраны составляла примерно такой же процент [11]. Именно слабость надзора позволила 1 ноября 1918 года восставшим солдатам Мариинского полка так быстро захватить Томское исправительно-арестантское отделение № 1 и освободить находившихся в нем заключенных.

Результатом данного события стало снятие с должности тюремного инспектора А. И. Орлова, в вину которому ставился тот факт, что некоторые надзиратели активно помогали мятежникам. Оправдывая себя, последний писал о том, что участие двух охранников вместе с восставшими в обходе помещений отделения «говорит лишь о пре-

ступной наклонности данных лиц, от чего не гарантировано ни одно учреждение, имеющее до 100 человек служащих» [11]. Следует отметить, что выводы проводимого следствием расследования об отсутствии дисциплины среди надзирателей и бессилии А. И. Орлова исправить положение имели под собой основания. Еще в письме от 26 октября 1918 года министру юстиции губернский комиссар А. Н. Гаттенбергер, принявший к тому времени заведывание тюремной инспекцией и местами заключения от земской управы, указывал на полную распущенность в тюрьмах и необходимость назначения на должность инспектора В. Е. Нечипоренко [12].

Благодаря свидетельским показаниям следствием было установлено, что в момент нападения мятежников в 3 часа утра охрана отделения была застигнута врасплох. Солдаты, стоявшие в карауле на внешних постах в ту ночь, были обезоружены и препровождены в помещение казармы. Проникновение мятежников на территорию отделения происходило через больничный двор, тюремную контору и главные ворота, привратником у которых в тот момент находился младший надзиратель Алексей Великосельский, чей служебный стаж составлял пять лет. При нападении солдат Мариинского полка в количестве 50 человек с криками «Руки вверх!» и «Советская власть!» он спрятал имевшийся при нем револьвер и тут же скрылся в больничном бараке, где пробыл до утра. Осуществлявший надзор как раз у этого здания Евгений Колесников был атакован мятежниками со стороны главного входа и мастерских «Земский городок», отгороженных от отделения невысокой бревенчатой стеной. Молодой охранник, служивший с марта 1918 года, оказался в растерянности из-за внезапного нападения и был быстро окружен. В это же время другая группа восставших, вооруженная винтовками, напала на стоявшего при решетке у входа в контору тюрьмы надзирателя Матвея Кузовлева. У него было отобрано оружие.

Затем солдаты заставили его сопровождать их по баракам отделения, по пути обезоруживая остальных охранников. Находившемуся внутри помещения конторы надзирателю Илье Киршину, дежурившему в ту ночь по тюрьме, удалось оповестить по телефону начальника отделения М. Б. Пирятинского о случившемся. Воспользовавшись начавшейся неразберихой, он спрятался от мятежников между решетками в комнате свиданий, откуда слышал, как охранник Иван Иванов указывает толпе солдат, где можно вооружиться. При этом по показаниям Киршина объяснение Иванова сопровождалось советом солдатам при обходе квартир тюремных служащих требовать от надзирателей в случае заявлений о сдаче оружия соответствующие документы, удостоверяющие это. В результате обыска помещений, в которых проживал персонал отделения, восставшими было взято 14 берданок и 30 револьверов с патронами к ним [11]. По сведениям, полученным от других свидетелей, в основном охранников, следовало, что помимо Иванова, солдатам активно помогал надзиратель Савелий Сухомлинов. Так, Феодосий Тронченко, не исполнявший в те дни никаких обязанностей и находившийся в своей квартире, указывал на то, что толпу вооруженных людей, ворвавшихся к нему ночью, вел именно Сухомлинов, который сразу же потребовал отдать ему револьвер. Эта же фамилия встречается в показаниях старшего надзирателя Михаила Поврядухина, отслужившего на тот момент в пенитенциарной системе тринадцать лет. Узнав из телефонного звонка от начальника отделения, что на территории тюрьмы началась какая-то забастовка и что ему необходимо явиться в контору, М. Поврядухин был задержан мятежниками, едва покинул свою квартиру. В момент его вывода с надзирательского двора вооруженными людьми старшего надзирателя у ворот отделения заметил С. Сухомлинов, который, обращаясь к толпе солдат и заключенных, отметил:

«Вот наш старший». Не стоит говорить, что подобное замечание, высказанное при тех обстоятельствах, могло стоить М. Поврядухину жизни. Но бежавших арестантов интересовали, прежде всего, места хранения оружия и патронов. Сопроводив М. Поврядухина до помещения конторы, где уже находились помощник начальника отделения Д. В. Климов и другие задержанные, арестанты стали требовать от присутствующих вооружение, которое еще не было найдено восставшими солдатами. На ответ старшего надзирателя, что все оружие уже находится на руках, заключенные предупредили присутствующих лиц тюремного персонала, что в случае обнаружения в цейхгаузе хотя бы одного патрона, они будут расстреляны [11]. Но к этому времени взбунтовавшиеся солдаты и освобожденные арестанты группами начали покидать территорию отделения, в связи с приближением воинских частей, оставшихся в подчинении властей города.

Впоследствии И. Иванов и С. Сухомлинов, проработавшие в тюремной страже три и четыре месяца соответственно, оправдывали перед следствием свое поведение тем, что они силой были схвачены вооруженными людьми и под страхом смерти сопровождали солдат, указывая квартиры надзирателей. В точности установить, являлись ли определяющими в поведении данных лиц во время восстания преступные намерения или же имела место боязнь за свою жизнь, не представляется возможным. Но с полной уверенностью можно отметить, что такие действия чинов тюремной стражи были возможны как из-за непродолжительного срока их службы, так и из-за отсутствия условий для достойного исполнения своих обязанностей, что указывало на упущения в работе начальства данного места заключения. Так, в своих показаниях Д. В. Климов и М. Поврядухин давали низкие оценки постановке административной службы в отделении. Только после побега из места заключения в начале октября

1918 года более десятка арестантов со стороны начальника тюрьмы М. Б. Пирятинского последовало распоряжение об осуществлении надзирателями регулярных обысков в камерах, которые до этого совершенно не производились [11]. Подобная халатность руководства отделения формировала соответствующее отношение к службе чинов тюремной стражи. В такой обстановке поведение надзирателей, особенно при чрезвычайных обстоятельствах, зависело от опыта и профессиональных качеств каждого из них. Например, И. Киршин, сохранивший самообладание и успевший сообщить Пирятинскому о нападении на отделение, занимался осуществлением надзора в течение шестнадцати лет, что не идет ни в какое сравнение со сроками службы тех же С. Сухомлинова и И. Иванова. Кроме того, начальником отделения совершенно игнорировались предупреждения его помощника Д. В. Климова об установившихся связях между политическими заключенными и работниками «Земского городка», многие из которых симпатизировали большевикам. Неудивительно, что по итогам расследования губернским комиссариатом было принято решение об увольнении с должности не только инспектора А. И. Орлова, но и М. Б. Пирятинского.

Органами контрразведки в городе Томске также еще до восстания регулярно фиксировались контакты находящегося в тюрьме бывших работников советских органов власти с внешним миром, чему способствовали как представители следственной комиссии, так и чины надзора. Большевик В. Ф. Тиунов, который был отправлен по этапу из Новониколаевска в Томск и заключен в отделение № 1, вспоминал, что связь с городской партийной организацией осуществлялась через «блондина» Мишу. «Блондин» был надзирателем из демобилизованных фронтовиков, чей родственник был заключен в губернскую тюрьму, что, по-видимому, и повлияло на его решение оказывать помощь арестованным.

Хотя В. Ф. Тиунов называет его единственным связным, для конспирации которого делалось все возможное, очевидно, что лица, находившиеся в изоляции в местах заключения, получали информацию и из других источников [13]. Более того, арестованные по политическим мотивам имели возможность получать различные незаконные передачи. В своих воспоминаниях Ф. Н. Жаркова, оказавшись в тюрьме в июне 1918 года, описывает случаи употребления морфия заключенными для поддержания сил в момент объявленной голодовки [14]. Естественно, что пронос наркотиков мог осуществляться либо при полной безалаберности охраны, либо при ее непосредственном участии в этом. Также политические заключенные, сохраняя связи с большевистским подпольем, без особых для себя проблем занимались отправкой и получением писем и денег. Свидетельством этому может служить переписка И. Л. Нахановича, находившегося в одиночной камере Томского исправительно-арестантского отделения № 1, со своей женой Т. П. Сибирцевой, записки от которой ему обычно передавал надзиратель [15]. Вплоть до падения правительства А. В. Колчака полное пресечение проноса писем чинами тюремной стражи в пенитенциарные учреждения и на волю так и осталось невозможным. Так, в сентябре 1919 года инспектор мест заключения Томской губернии П. П. Боголепов, указывая начальникам тюрем на факт поимки надзирателя и предания его суду за данный проступок, предлагал ужесточить обыск всех служащих [9].

Во многих воспоминаниях сторонников советской власти, оказавшихся в заключении во время Гражданской войны, обращается внимание на нейтральное, а в некоторых случаях и благожелательное отношение к ним со стороны чинов тюремной стражи. Например, в дни свиданий надзирательницы выпускали Ф. Н. Жаркову из одиночки в камеру на верхнем этаже, где находились ее

подруги [13]. Неоднократно подвергавшаяся аресту Т. П. Сибирцева, оказавшись осенью 1918 года в Томской губернской тюрьме, была лишена передач и прогулок. В камеру ночью к ней заходила только дежурная по корпусу надзирательница Пелагея, занимавшая данную должность около 25 лет. Она пыталась облегчить одиночество Т. П. Сибирцевой рассказами о кошмарных трагедиях, свидетелем которых она была за время своей службы, что только усугубляло подавленное состояние арестантки [16]. Подобные послабления в отношении политических заключенных, а также состояние надзора были подвернуты резкой критике со стороны военного командования, результатом чего становится решение командира Средне-Сибирского корпуса генерал-майора А. Н. Пепеляева о переводе «бывших членов Томского Совдепа» в его распоряжение. Арестованные большевики 29 октября 1918 года в количестве 13 человек, среди которых находились И. Л. Наханович и Ф. Н. Жаркова, были выведены из мест заключения города Томска, а затем эвакуированы в Екатеринбург как раз перед восстанием Мариинского полка.

Взаимоотношения надзора и арестантов, противоречащие всем служебным инструкциям, были характерны и для Каинской тюрьмы, закономерным итогом которых становится массовое выступление заключенных в июле 1919 года. Например, задержанным большевикам удалось подкупить старшего надзирателя Николая Дмитриева и еще трех охранников для содействия в осуществлении побега. Но в назначенный день чины тюремной стражи отказались от задуманного, опасаясь быть раскрытыми. В результате побег оказался сорван, младшие надзиратели, которым были заплачены деньги, вскоре оставили службу, а Дмитриев, чтобы не навлекать подозрений, стал вести себя с заключенными более дерзко и грубо [17].

Для исправления ситуации с несением службы надзирателями тюремной инспекции

ей Томской губернии отдается распоряжение о восстановлении меры по удержанию залога с чинов тюремной стражи в размере полумесячного оклада получаемого содержания, который предусматривался циркуляром ГУМЗ № 68. Проводимые ревизии мест заключения показывали, что данные суммы не удерживаются, в связи с чем дисциплинарные взыскания не оказывали на надзор никакого воздействия. В некоторых случаях при увольнении охранники оставляли у себя выданное им оружие, объясняя подобное его потерей, стоимость которого администрация тюрем не имела возможности взыскать с оставляющего службу, ввиду отсутствия залога [9]. С целью установления должного контроля тюремная инспекция требовала от начальников мест заключения предоставления точных сведений о числе надзирателей и получаемого ими оклада содержания.

Общее количество чинов тюремной стражи пенитенциарной системы губернии, которая включала в себя исправительно-арестантское отделение № 1 и губернскую тюрьму в городе Томске, а также четыре места заключения в уездных центрах, составляло к январю 1919 года 18 старших и 286 младших надзирателей [18]. Охрана Каинской тюрьмы насчитывала 48 человек, среди которых находились две младшие надзирательницы. Кузнецкая тюрьма располагала надзором в 21 человек. В Мариинской тюрьме находилось 23 человека, осуществлявших контроль над заключенными, а в Новониколаевской тюрьме стража состояла из 3 старших и 30 младших надзирателей. В местах заключения, располагавшихся в губернском центре, численность служащих была гораздо выше из-за наличия значительного контингента заключенных. В исправительно-арестантском отделении исполняли обязанности 4 старших и 82 младших надзирателя, а в губернской тюрьме – 6 и 89 человек соответственно. Следует отметить, что имеющееся в наличии количество чинов тюремной стражи не со-

ответствовало официально утвержденному числу служащих на 1919 года. По расписанию должностей, составленному на основе утвержденного еще 7 июля 1913 года штата, состав надзора должен был состоять из 364 человек [19].

Но даже официальное количество лиц, осуществляющих охрану в местах заключения, рассматривалось начальством ряда тюрем, переполненных после свержения советской власти, как недостаточное. В связи с этим Томская тюремная инспекция признавала желательным увеличить число надзирателей до 387 человек. Особенно сложная ситуация наблюдалась в Мариинске, где к 1917 году было возведено новое здание тюрьмы, значительно превышающее по размерам прежнее. Для ее охраны признавалось необходимым увеличить наличную стражу до 2 старших и 45 младших надзирателей. Несение службы на трех внешних постах, а также на наружном посту у ворот тюрьмы требовало 12 человек. Внутри данного места заключения находилось восемь охраняемых помещений, в том числе коридор подвала, оборудованного под карцер и склад хозяйственных принадлежностей, больничное и заразное отделения на втором и третьем этажах соответственно. На каждом внутреннем посту, кроме тюремной конторы с двумя охранниками, необходимо было иметь по три надзирателя. Кроме того, для наблюдения за заключенными во время вывода на прогулки или внешние работы, а также резерва требовалось еще 7 человек. Увеличение же штата старших надзирателей на одного человека позволяло разграничить обязанности по контролю над младшими надзирателями и заведыванием хозяйственной частью Мариинской тюрьмы. В остальных местах заключения губернии нехватка чинов тюремной стражи была менее очевидна. Например, в Кузнецкой тюрьме, на территории которой находилось 9 постов, в том числе в трех мужских корпусах и отделении для женщин, в штате надзо-

ра не хватало 7 человек. В пенитенциарном учреждении города Новониколаевска, расположенном в бывшем здании домовладельца Тетерина, для правильно организованного несения службы недоставало 5 младших надзирателей. Для удовлетворения запросов Томской тюремной инспекции Третьим Отделением Министерства юстиции, управлявшим пенитенциарной системой антибольшевистских правительств в Сибири до марта 1919 года, было принято решение об увеличении штата охранников в тюрьмах губернии. В результате в двух местах заключения города Томска персонал был усилен 1 старшим и 10 младшими надзирателями в каждом. Также в тюрьмах Кузнецка и Новониколаевска состав надзора был дополнен 3 и 5 чинами тюремной стражи соответственно. В Мариинске же, нуждавшемся больше остальных в усилении персонала, было сохранено прежнее количество надзирателей [18].

Несмотря на проводимые мероприятия, состояние охраны тюрем по-прежнему позволяло арестантам организовывать массовые побеги. Руководство ГУМЗ, учрежденного взамен Третьего отделения, справедливо указывало, что возбуждение ходатайств начальниками мест заключения об увеличении штатов надзора теряло всякий смысл, ввиду отсутствия работы по повышению профессиональных качеств тюремной стражи. Такая мера, как увеличение денежного довольствия персоналу тюрем, также не оказывала заметного влияния на улучшение исполнения обязанностей и повышение престижности службы. Согласно постановлению Административного совета Временного Сибирского правительства от 25 октября 1918 года месячное содержание старших надзирателей было увеличено до 300 руб. Для остальных чинов стражи оклад варьировался от 225 руб. до 275 руб. в зависимости от статуса места заключения. Причем на более высокое довольствие, которое выплачивалось только в

каторжных централах, губернских тюрьмах и исправительно-арестантских отделениях, могло рассчитывать лишь 20 % служащих, в то время как остальные довольствовались жалованием ниже 250 руб. В уездных же местах лишения свободы оклад всех младших надзирателей не превышал данной суммы денег [20, с. 598]. К примеру, в Новониколаевской тюрьме 18 охранников довольствовались месячным денежным содержанием в размере 250 руб., в то время как остальная часть надзора – 225 руб. [19]. Необходимо отметить, что подобные оклады были существенно ниже установленного Инспекцией труда прожиточного минимума по Томской губернии в 320 руб. [21]. Для частичного улучшения ситуации с материальным обеспечением служащих в декабре 1918 года в Министерстве юстиции было принято решение распространить размер заработной платы в 275 руб. на 20 % младших надзирателей в уездных тюрьмах [22, с. 161].

Принимаемые органами власти решения не оказывали никакого влияния на состояние тюремной стражи, что нашло свое отражение в циркуляре ГУМЗ от 1 апреля 1919 года за № 1297, направленном управляющим губерниями и областями. В нем недавно назначенный начальник пенитенциарной системы П. К. Гран указывал на то, что чины надзора «до сих пор совершенно не понимают или не осуществляют прямых наиболее важных обязанностей в области наблюдения за заключенными». Ответственность за это он возлагал на тюремных инспекторов и начальников мест заключения, которые не в полной мере использовали свое право отстранения от службы охранников, уличенных в преступных действиях и нарушении дисциплины [23]. В то же время некоторые надзиратели мест лишения свободы Томской губернии не забывали о своем долге, стараясь в точности следовать предписанным в Тюремной инструкции обязанностям. Так, благодаря бдительно-

сти надзирателя Даниила Толмачева в ночь на 28 мая 1919 года удалось предотвратить массовый побег заключенных. В одном из корпусов губернской тюрьмы содержащимися там политическими арестантами был проведен подкоп и стала проламываться стена. Шорох и шум услышал стоявший на посту Д. Толмачев, который немедленно сообщил об этом дежурному старшему надзирателю и военному караулу. В результате проведенного в камере № 8 обыска было обнаружено, что часть стены под нарами разобрана. Причем было установлено, что арестант Герасим Сеницин, ссыльнокаторжный Алехин и подследственный Кузнецов производили подкоп лишь железной палкой от койки и небольшим ножом [24]. Примерно в это же время умелые действия младшего надзирателя Мариинской тюрьмы Михея Агеева срывают осуществление уже начавшегося побега. Приказом Управляющего Томской губернией от 20 июня 1919 года № 301 за ревностное исполнение обязанностей ему была объявлена благодарность [25].

Но попытки побегов чаще оканчивались для заключенных успешно, о чем неоднократно свидетельствовало ГУМЗ в своих циркулярах. Увеличение количества подобных происшествий напрямую было связано с попытками тюремного руководства восстановить обязательные работы как внутри, так и вне стен тюрьмы. Причем необходимость труда арестантов обосновывалась не столько его пользой в исправлении и перевоспитании содержащихся под стражей, а скорее получением дохода в пользу пенитенциарных учреждений, что особенно было важно в условиях царящей экономической разрухи. Но обязанных работать по закону срочных заключенных было недостаточно из-за их неудовлетворительного физического состояния, в связи с чем шло активное привлечение находящихся под следствием, что противоречило правилам [2, с. 64]. Нарушение порядка допускалось и при выводе арестантов за

территорию тюрьмы, когда нередко контроль над десятком человек осуществлялся лишь одним надзирателем. Даже при наличии достаточного опыта службы предотвратить побег в таких условиях было невозможно. Например, за бегство 4 октября 1919 года во время работ следственного заключенного Шорохова старшему надзирателю Томского исправительно-арестантского отделения № 1 М. Поврядухину был объявлен выговор [26]. В такой ситуации вина за уход арестантов в большей степени падала не на чины стражи, а на начальников мест заключения, которые пренебрегали всеми установленными нормами для выполнения ГУМЗ о восстановлении хозяйственных и доходных занятий в тюрьмах.

Наблюдавшееся в последние месяцы 1919 года падение порядка в пенитенциарной системе отчасти было связано с ощущением скорого поражения Российского правительства А. В. Колчака и неопределенности в будущем. По воспоминаниям большевика И. Г. Бурова по мере приближения Красной армии к Томску отношение руководства и стражи губернской тюрьмы к заключенным становилось более либеральным. В частности, это выразилось в раздаче газет по камерам надзирателями [27]. Уже при подходе войск красных к городу в середине декабря 1919 года командованием гарнизона было принято решение об усилении охраны мест заключения. Но моральное состояние вооруженных сил и надзора было таково, что при одном появлении отряда большевиков под командованием В. В. Степанова губернская тюрьма сдалась без боя, и свыше одной тысячи заключенных оказались на свободе [28].

Подводя итоги, можно утверждать, что состояние тюремной стражи в Томской губернии в период Гражданской войны оставляло желать лучшего. В какой-то степени это обуславливалось тем, что еще в дореволюционный период далеко не все надзиратели соответствовали необходимым профессио-

нальным качествам. Последовавшие революционные события и мероприятия большевиков, захвативших власть, вызвали неразбериху в пенитенциарной системе, одной из черт которой стал уход многих лиц тюремного персонала, имевших значительный стаж службы. После свержения советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке значительная часть административных чинов вернулась на свои должности, но в состав надзора приходилось принимать лица, не имевшие к данной работе никакого отношения. Сменявшие друг друга

антибольшевистские правительства пытались различными способами исправить положение в тюремной страже, но в условиях военных действий и хозяйственного разорения на это обычно не хватало ни людских, ни материальных ресурсов. К тому же руководители пенитенциарных учреждений в то тяжелое время зачастую предоставляли надзирателей самим себе. В такой ситуации охрану мест заключения брали на себя военные власти, что приводило к произволу, а нередко и к расправам над арестантами.

Литература

1. Познышев С. В. Очерки тюремоведения. – М.: Изд-во Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 1915. – 302 с.
2. Общая тюремная инструкция. – Петроград: Типография Петроградской тюрьмы, 1916. – 110 с.
3. Михеенков Е. Г. Социально-правовое положение нижних чинов пенитенциарной системы Сибири в 1917–1919 годах // Вестник Владимирского юридического института. – 2010. – № 4. – С. 191–198.
4. Бортникова О. Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 годах: монография. – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 1999. – 304 с.
5. Шапова Л. В. Амнистия и начало реорганизации пенитенциарной системы в Иркутской губернии в 1917 году // Сибирская ссылка: сборник научных статей / отв. ред. А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Б. С. Шостакович. – Иркутск: Оттиск, 2011. – Вып. 6 (18). – С. 171–179.
6. Скрипилев Е. А. Тюремная политика и тюремное законодательство Временного правительства: лекция. – М.: Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел, 1968. – 64 с.
7. Уголовно-исполнительное право России: учебник для вузов / под ред. А. И. Зубкова. – М.: Инфра-М, 2002. – 720 с.
8. ГАТО. Ф. Р. 1362. Оп. 1. Д. 296. Л. 2.
9. ГАТО. Ф. Р. 839. Оп. 1. Д. 2. Лл. 1-103 об.
10. Желтов А. А. История форменной одежды и экипировки чинов тюремного ведомства Российской империи: монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 248 с.
11. ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 857. Лл. 5-31 об.
12. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 8/18. Л. 7.
13. ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 868. Л. 4.
14. ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 2. Д. 70а. Лл. 29–30.
15. ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 2. Д. 23. Л. 20.
16. ГАКО. Ф. П. 483. Оп. 1. Д. 197. Л. 21.
17. ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 861. Л. 11.
18. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 5. Лл. 157–160 об.
19. ГАТО. Ф. Р. 1362. Оп. 1. Д. 471. Л. 15.
20. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 года): сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск: ИД «Сова», 2007. – 818 с.
21. Сибирская жизнь. – 1919. – 11 февр.
22. Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А. В. Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920) / сост. Е. В. Луков, Д. Н. Шевелев. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – Вып. 2. – 202 с.

23. Вестник Томской губернии. – 1919. – 5 мая.
24. Сибирская жизнь. – 1919. – 20 июня.
25. Вестник Томской губернии. – 1919. – 25 июня.
26. Вестник Томской губернии. – 1919. – 14 нояб.
27. ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 421. Л. 8.
28. ГАКО. Ф. П. 483. Оп. 1. Д. 102. Л. 36.

Literatura

1. Poznyshev S. V. Oчерki tjur'movedenija. – М.: Izd-vo G. A. Lemana i B. D. Pletneva, 1915. – 302 s.
2. Obshhaja tjuremnaja instrukcija. Petrograd: Tipografija Petrogradskoj tjur'my, 1916. – 110 s.
3. Miheenkov E. G. Social'no-pravovoe polozhenie nizhnih chinov penitenciarnoj sistemy Sibiri v 1917–1919 godah // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. – 2010. – № 4. – S. 191–198.
4. Bortnikova O. N. Sibir' tjuremnaja: penitenciarная sistema Zapadnoj Sibiri v 1801–1917 godah: monografija. – Tjumen': Tjumenskij juridicheskij institut MVD RF, 1999. – 304 c.
5. Shapova L. V. Amnistija i nachalo reorganizacii penitenciarnoj sistemy v Irkutskoj gubernii v 1917 godah // Sibirskaja sсыlka: sbornik nauchnyh statej / otv. red. A. A. Ivanov, S. I. Kuznecov, B. S. Shostakovich. – Irkutsk: Ottisk, 2011. – Vyp. 6 (18). – S. 171–179.
6. Skripilev E. A. Tjuremnaja politika i tjuremnoe zakonodatel'stvo Vremennogo pravitel'stva: lekcija. – М.: Nauchno-issledovatel'skij i redakcionno-izdatel'skij otdel, 1968. – 64 s.
7. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: uchebnik dlja vuzov / pod red. A. I. Zubkova. – М.: Infra-M, 2002. – 720 s.
8. GATO. F. R. 1362. Op. 1. D. 296. L. 2.
9. GATO. F. R. 839. Op. 1. D. 2. Ll. 1–103ob.
10. Zheltov A. A. Istorija formennoj odezhdy i jekipirovki chinov tjuremnogo vedomstva Rossijskoj imperii: monografija. – Vologda: VIPJe FSIN Rossii, 2011. – 248 c.
11. CDNITO. F. 4204. Op. 4. D. 857. Ll. 5–31ob.
12. GARF. F. 827. Op. 1. D. 8/18. L. 7.
13. GANO. F. P. 5. Op. 2. D. 868. L. 4.
14. CDNITO. F. 4204. Op. 2. D. 70a. Ll. 29–30.
15. CDNITO. F. 4204. Op. 2. D. 23. L. 20.
16. ГАКО. Ф. П. 483. Оп. 1. Д. 197. Л. 21.
17. GANO. F. P. 5. Op. 2. D. 861. L. 11.
18. GARF. F. 827. Op. 1. D. 5. Ll. 157–160 ob.
19. GATO. F. R. 1362. Op. 1. D. 471. L. 15.
20. Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maja – 3 nojabrja 1918 goda): sbornik dokumentov i materialov / sost. i nauch. red. V. I. Shishkin. – Novosibirsk: ID «Sova», 2007. – 818 s.
21. Sibirskaja zhizn'. – 1919. – 11 fevr.
22. Zakonodatel'naja dejatel'nost' Rossijskogo pravitel'stva admirala A. V. Kolchaka (nojabr' 1918-janvar' 1920) / sost. E. V. Lukov, D. N. Shevelev. – Tomsk: Izd-vo TGU, 2003. – Vyp. 2. – 202 s.
23. Vestnik Tomskoj gubernii. – 1919. – 5 maja.
24. Sibirskaja zhizn'. – 1919. – 20 ijunja.
25. Vestnik Tomskoj gubernii. – 1919. – 25 ijunja.
26. Vestnik Tomskoj gubernii. – 1919. – 14 nojab.
27. CDNITO. F. 4204. Op. 4. D. 421. L. 8.
28. ГАКО. Ф. П. 483. Оп. 1. Д. 102. Л. 36.